

В жизни Чи Нина хватало загадок, но одна не давала ему покоя особенно часто: почему окружающие с упорством, достойным лучшего применения, пытались взывать к его здравому смыслу?

Он что, похож на человека, с которым можно договориться по-хорошему?

Да ни в жизнь.

Родом он был из Чжэньнана — крошечного городка на юго-западной окраине империи. Места там были глухие, дикие и бесплодные, а единственным стоящим товаром, который эта глушь поставляла миру, испокон веков оставались евнухи. Но не простые — из Чжэньнана выходили самые хваткие, влиятельные и прославленные временщики.

В годы правления под девизом Юнпин императора Сяо маленького Чи Нина, рано лишившегося родителей, забрали во внутренний двор за редкую миловидность. Оказавшись во дворце, он сразу же примкнул к землякам — чжэньнаньской фракции. Мальчик стал учеником самого Чжан Цзинчжуна, признанного столпа их землячества, и получил место в Нэйшутане — Императорской школе евнухов. Окончив её, Чи Нин принялся усердно копить опыт и связи: кочевал из Дирекции императорских храмов в Дирекцию императорского обихода, пока при императоре Тяньхэ не осел в Дирекции дворцового хозяйства. Там ему поручили надзор за пороховыми складами. К шестнадцати годам юноша уже стал третьей фигурой в Восточном притворе.

Не случись под конец прошлого года беды с наставником, омрачившей его доселе безмятежную жизнь, Чи Нин, верно, уже грыз бы гранит науки на новом уровне — в Палате Литературного Величия, внимая лекциям почтенных членов Кабинета министров.

Но как бы там ни было, за вычетом этой внезапной преграды, юноша за всю свою жизнь так и не уяснил двух вещей: что значит держаться в тени и зачем вообще нужно с кем-то договариваться.

И в этом отношении его названный сын выказал поразительную понятливость. Ся Ся беспрекословно исполнял приказы и никогда не лез с расспросами. Велел Чи Нин схватить наглеца — значит, надо крутить, и плевать, что перед ними целый наследник князя с кучей высокопоставленной родни.

Младший канцлер Ся, урождённый Ся Ся — имя ему дал хозяин, так что менять его парень не смел, — сохранял на редкость бесстрастное лицо. В действительности же его лихорадочный ум лихо прикидывал, какое бы обвинение состряпать для толстяка Вэнь Шибao. Великая принцесса Канлэ, конечно, птица не того полёта, чтобы её бояться, но лишние хлопоты Восточному притвору тоже ни к чему.

Идея пришла быстро. Благо в рукаве у Ся Ся как раз имелся один готовый козырь.

Он ведь не просто так наплевал на комендантский час и вывел конных гвардейцев из ночной столицы. Младший канцлер исполнял секретную волю государя: за полмесяца выследить и обезвредить шайку государственных преступников, которые сеяли смуту и распространяли опасную ересь среди евнухов.

Дело затевалось как внутренняя чистка в рядах евнухов, но кто поручится, что зараза не перекинулась на внешних чиновников или придворную знать?

Например, на этого придурковатого внука Великой принцессы, в чьей голове явно гулял сквозняк.

Младший канцлер сощурился, бросив на толстяка Вэня плотоядный взгляд. В его голове бешено крутились шестерёнки, препарируя родственные и дружеские связи этих ста тридцати килограммов живого веса. Ся Ся уже приготовился явить миру классический фокус под названием «пришей кобыле хвост».

Однако приемный отец превзошел все ожидания. Несколько раз рассеянно погладив зажатый в ладони брусок черного дерева, Чи Нин заговорил — ровно, леденяще-равнодушно:

— Вэнь Шибao под стражу. И всех, кто с ним приехал, тоже. Особенно ту женщину и мальчишку.

Затаившаяся в толпе Хуан Саньнян судорожно прижимала к себе ребенка. От этого приказа её красивые глаза расширились от ужаса. Выглядела она сейчас до того хрупкой и беззащитной, что у любого мужчины невольно сжалось бы сердце.

Скрученный стражниками Вэнь Шибao взвился, сочтя Чи Нина вконец обезумевшим:

— Меня хватай, ладно! Но спутников-то моих за что?!

Слова эти прозвучали почти как чистосердечное признание.

Несчастный глупец и не подозревал, как лихо подставил сообщницу. Напрягая свои скудные извилины, он всё ещё пытался выгородить Хуан Саньнян:

— Чи Нин! Ты хоть знаешь, кто она такая?! Да у тебя руки отсохнут её тронуть!

Какая убогая, до тошноты знакомая песня.

Чи Нин промолчал, лишь уголки его губ пренебрежительно дрогнули. Да он знал, кто она, получше многих. Собственно, ради неё он сюда и явился.

— Она — женщина Евнуха Ма! — Вэнь Шибao окончательно потерял голову и выложил карты на стол. Он прекрасно понимал: его княжеский титул, столь внушительный для простых смертных, для отморожков из Восточного притвора — пустой звук. Жизнь Хуан Саньнян и её ребёнка оставались его единственным козырем, шансом отыграться, и он держался за них зубами. — Того самого Евнуха Ма из Дирекции церемониала! Только не говори, что впервые о нём слышишь!

Во дворце существовало неписаное правило: должность главы Восточного притвора — директора с печатью — обычно получал второй или третий по значимости человек в Дирекции церемониала.

В последние месяцы внутренний двор лихорадило, в Дирекции церемониала то и дело летели головы, но теперь, со стабилизацией новой власти, подковёрная грызня евнухов сошла на нет. Ходили упорные слухи, что Евнух Ма вот-вот займет кресло пишущего евнуха — третью по важности должность в ведомстве. Выходило, что Евнух Ма — будущий прямой начальник Чи Нина.

Вэнь Шибao упрямо верил: каким бы наглым ни был этот Чи Нин, прыгнуть выше Евнуха Ма он не посмеет.

Ся Ся посмотрел на арестованного с искренней жалостью. Каким же надо быть непроходимым кретином, чтобы с такой пугающей точностью выбирать самые верные способы самоубийства?

Толстяк слышал, что Евнух Ма метит в директора Восточного притвора, но почему-то не удосужился узнать...

Что Чи Нин претендует на то же кресло.

В данный момент Чи Нин служил координирующим чиновником Восточного притвора. Место начальника пустовало, а второй координатор, превосходивший его годами службы, недавно благополучно отправился к праотцам. Так что Чи Нин оставался главным и самым очевидным претендентом на единоличную власть в ведомстве.

Любой, у кого в голове водилось хоть немного серого вещества, понимал: власть над Восточным притвором нужна Чи Нину лишь как надежный трамплин для прыжка в заветную Дирекцию церемониала.

В эпоху его наставника Дирекция церемониала еще не подмяла под себя весь дворец — ведомства дворцового хозяйства и императорского обихода вполне успешно с ней соперничали. Но времена изменились, новые хозяева диктовали новые правила. Для молодого поколения евнухов лишь служба в Дирекции церемониала открывала дорогу к истинному величию.

Чи Нин улыбнулся ещё шире. Этот жест таил в себе нешуточную угрозу и глубокий расчёт, но внешность юноши была обманчиво невинной. Глядя на его прищуренные глаза и мягкие черты

лица, можно было принять его за простодушного деревенского паренька.

Чеканя каждое слово, юноша произнёс с величайшим почтением:

— Разумеется, господин Ма пользуется глубоким уважением. Его имя у всех на устах. Он человек редкого великодушия и государственного ума. Уверен, он полностью одобрит мои действия.

Читай: а если не одобрит, значит, обделен и умом, и государственным величием. А коли так — нечего ему делать на государевой службе, и уж подавно не стоит претендовать на власть в Восточном притворе.

Глядя на растерянного толстяка и бледную женщину, Чи Нин наконец осознал, почему тот гость обещал ему: ночлег в монастыре Истинного Покоя принесёт исполнение заветных желаний.

Прежде чем стражники успели к ней прикоснуться, Хуан Саньнян упала на колени. Хрупкая, незащищенная, она залилась слезами еще до того, как открыла рот — разыграла классическую невинную жертву.

— Осмелюсь спросить господина... в чём же моя вина? Неужели лишь из-за соперничества с моим покровителем вы готовы...

Тонкий ход: она пыталась выставить его действия банальным устранением конкурента и грязной клеветой. Что бы теперь ни ответил Чи Нин, тень подозрения всё равно легла бы на него.

Но у Чи Нина не было ни малейшего желания вступать с ней в полемику. Действуя в своем привычном неторопливом темпе, он продолжал прижимать к груди кусок черного дерева. Свободной рукой он небрежно указал на Вэнь Шибao и бросил Ся Ся:

— Укрывательство государственного преступника.

Затем его палец переместился на Хуан Саньнян:

— А вот и сама государственная преступница.

Короткие фразы ударили подобно грому среди ясного неба.

Юный слуга Куцай, прижимавший к себе кота за спиной господина Чи, услужливо добавил, обращаясь к Ся Ся:

— Мы вообще-то спешили и не планировали здесь задерживаться. Но господин Чи, прослышав в дороге о возложенной на вас тяжелой задаче, непременно пожелал облегчить вашу участь. Видно, сами Небеса умилились столь трогательной отцовской заботе и привели нас напрямик к этой парочке государственных изменников.

Какая, к чертям собачьим, трогательная семейная идиллия.

И у Вэнь Шибao, и у Хуан Саньнян в этот момент на языке вертелось исключительно отборное ругательство.

— Клевета! Наглая клевета! — Хуан Саньнян затрясло. Её грудь бурно вздымалась — то ли от панического страха перед разоблачением, то ли от ярости из-за столь бесстыдного вранья. — Господин Чи! Весь двор знает о ваших великих заслугах перед Восточным притвором! Но хватать без суда и следствия, без единой улики... Это ли ваши хваленые методы? Это ли законы Великой Ци? Или вы попросту фабрикуете дело, чтобы сжить со свету честных людей?!

При этих словах некоторые из присутствующих не сдержали смешков.

Будто её драгоценный Евнух Ма промышлял чем-то другим!

В нынешней династии хватало евнухов достойных, даже благородных, но господин Ма к ним точно не относился. Слава о его «подвигах» — взятках, фабрикациях и жестоких пытках, под которыми невинные подписывали любые признания, — гремела по всей столице уже много лет. Даже уличные мальчишки знали подробности его кровавых дел. И эта женщина ещё смеет заикаться о законе и справедливости?

Чи Нин сокрушенно вздохнул. Тратить время на споры ему изрядно надоело, так что он лишь слегка шевельнул пальцами, призывая Куцая просветить этих темных людей.

— Великий основатель династии учредил Восточный притвор для того, чтобы верные слуги государевы помогали Его Величеству искоренять измену, тайно расследовать заговоры и бдительно следить за порядком в Поднебесной. Смекаешь? — Куцай приосанился.

Восточный притвор держал ответ исключительно перед императором. Им не требовалось одобрение Трех судебных ведомств, чтобы бросить за решетку любого подданного — от нищего до министра.

Могущество ведомства было безграничным и вселяло леденящий ужас.

А если говорить начистоту: люди из Восточного притвора сперва хватали человека по малейшему подозрению, а уж доказательства выбивали потом. Требуясь им неопровержимые улики для ареста, само существование ведомства потеряло бы всякий смысл — тогда споры решали бы обычные судьи вроде Бао Цинтяня. Чиновники при дворе дрожали перед Восточным

притвором именно потому, что те могли состряпать любое обвинение на пустом месте. Идеально чистых людей не бывает, а уж в застенках притвора даже немой признается во всех грехах.

И эта бабенка вздумала требовать от них доказательств? Что и говорить, умом и хитростью её природа не обделила, а вот образования явно не хватило.

— А государственная вы преступница или нет — допрос покажет, — хмыкнул Ся Ся.

Одного сурового взгляда младшего канцлера хватило, чтобы стражники мгновенно затолкали кляпы в рты Хуан Саньнян и Вэнь Шибao. Руки пленникам безжалостно скрутили за спиной, лишив всякой возможности пререкаться.

Дабы не искушать судьбу, Чи Нин приказал немедленно сворачивать лагерь. Отряд выдвинулся обратно в столицу, увозя пленников сквозь завывающий ветер и колючую метель.

На развилке у самого подъезда к городу карета Чи Нина внезапно остановилась. Прижимая к себе заветный брусок черного дерева, юноша сошел на снег. Он долго возился у обочины, совершая какие-то непонятные манипуляции, после чего велел повернуть назад и сменить маршрут: возвращаться не прежней дорогой, а сделать крюк через ворота Гуанцзюймэнь.

Не все сопровождавшие Ся Ся Парчовые стражи успели изучить причуды Чи Нина, так что в рядах воинов послышался недоуменный шепот. Один из новобранцев, парень весьма бойкого нрава, никак не мог взять в толк причину такой задержки. Он то и дело отчаянно подмигивал своему старшему брату, служившему в отряде сотником, пытаясь выведать хоть что-то. Но тот лишь сурово отвернулся, проигнорировав немой вопль младшего брата о несправедливости бытия.

Сам Ся Ся не повел и бровью — для него подобные чудачества приемного отца давно стали делом привычным.

Во дворце Чи Нин частенько выкидывал нечто подобное, но никто и никогда не осмеливался оспаривать его приказы. С тех самых пор, как юноша поступил на службу, его самые дикие, на первый взгляд лишённые всякой логики решения ни разу не привели к провалу. Напротив, исход дела неизменно доказывал: в каждом безумном поступке Чи Нина крылся глубокий, почти сверхъестественный расчет.

Кое-кто даже пытался выведать у него секрет такой прозорливости — не умеет же он, в самом деле, читать Книгу Судеб?

На это Чи Нин всякий раз давал один и тот же честный ответ:

— Мое драгоценное сокровище нашептало.

Собеседники при этих словах неизменно густо краснели и впадали в ступор. «Сокровище» безбородого евнуха... Любой взрослый мужчина прекрасно понимал, о какой именно отрезанной драгоценности, хранящейся в специальном сосуде, идет речь. Попытаться развивать эту тему дальше ни у кого желания не возникало.

Стоило отряду Чи Нина скрыться в направлении ворот Гуанцюймэнь, как к развилке примчалась кавалькада всадников в масках и с обнаженными клинками. Вид у преследователей был на редкость свирепый. Предводитель спешил к обочины, разглядывая свежие следы Чи Нина и его слуг. Заметив, что в одну сторону ведут глубокие колеи от повозки, а в другую дорога девственно чиста, он презрительно усмехнулся:

— Оставили такие явные следы, словно нарочно зазывают нас за собой. Думают обмануть простым отвлекающим маневром!

И банда с полной уверенностью в собственной правоте рванула по направлению к воротам Цзоаньмэнь.

Тем временем Чи Нин, окруженный ворохом мягких парчовых подушек, мирно спал в покачивающейся карете, бережно обнимая свое черное дерево. Сон его был безмятежным и легким. Когда первые лучи солнца коснулись горизонта, отряд благополучно въехал в Юнцзи.

Ся Ся лично проводил приемного отца до самых ворот усадьбы — образцовая сыновья почтительность, способная до слез растрогать любого подданного Великой Ци.

Приподняв шелковую занавеску экипажа, Чи Нин напутствовал названного сына:

— Вечером собери всех своих братьев и приходите ко мне.

— Решили устроить семейный ужин? — переспросил Ся Ся.

Получив высокую должность, Чи Нин успел обзавестись внушительным числом приемных сыновей. Сам он искренне полагал, что в его доме царит истинно братская любовь и идиллия, однако его подопечные этих чувств не разделяли. Ся Ся, к примеру, своих новоявленных родственников терпеть не мог. Отец-то у них один на всех, а вот голодных ртов вокруг него — пруд пруди.

— Какое там. Вы ведь раньше так сокрушались, что ваш отец лишился своего главного сокровища, — заулыбался Чи Нин. — Так вот, я наконец его вернул. Вечером приглашаю всех разделить мою радость и лично на него взглянуть.

Ся Ся так и застыл с открытым ртом.

«Да... пожалуй, мы как-нибудь обойдемся без этого зрелища...»

<http://bllate.org/book/20385/2106054>